

вдумчивый взгляд. Мальчик Липин, которого тоже когда-то Брюллов выкупил из неволи и который теперь жил у него, зачарованно смотрел то на живого Жуковского, то на портрет и шептал:

— Как живой... совсем как живой...

Этот знаменательный день был 22 апреля 1838 года.

Накануне Сошенко получил от Жуковского записку:

«Зайдите завтра в одиннадцать часов к Карлу Павловичу. Ждите меня там обязательно, как бы поздно я ни пришел.

В. Жуковский.

P. S. Приведите и его с собой».

Исхудалого, побледневшего после тяжелой болезни Тараса Сошенко и Мокрицкий привели к Брюллову. Каким-то взволнованным, особенным был сегодня Великий Карл.

— Подождем Жуковского. Будем обедать у меня, — сказал он.

Вскоре вместе с Виельгорским, Григоровичем и Венециановым пришел и Жуковский, тоже какой-то торжественный, необычный. Он поздоровался со всеми, вынул из кармана бумагу, сложенную вчетверо, и протянул Тарасу. Дрожащими руками развернул Тарас бумагу. Это была грамота о его освобождении, «вольная», засвидетельствованная подписями К. Брюллова, М. Виельгорского и В. Жуковского.

— Воля... Воля... — едва вымолвил Тарас, с благоговением поцеловал бумагу и заплакал.

«КОБЗАРЬ»

Перед ним приветливо раскрылись двери долгожданной и желанной Академии художеств. Он вошел в круглый вестибюль. Казалось, в рай вели эти широкие лестницы, украшенные статуями античных богов. Перед ним открылись двери в голубые академические классы и класс-мастерскую Брюллова.

Со всей энергией и порывистостью взялся Тарас за работу.

Он скоро стал любимым учеником Великого Карла, да и другие профессора отметили его. Рассматривая первые этюды его «Натурщика», они говорили: «Откуда у этого юноши столько мудрости, столько глубокого понимания жизни?» Ведь не все они знали, какой тяжелый путь прошел этот юноша с серыми живыми, жаждущими знания глазами.

Уже через год после поступления в академию Тарас получил серебряные медали «первого и второго достоинства».

Но он учился не только в академии. В свободные часы он посещал разные лекции в университете, много читал, изучил французский язык, очень любил театр. Но лучшими уроками были посещения вместе с Брюлловым Эрмитажа. Каждая такая прогулка была блестящей лекцией о гениях кисти — Рембрандте, Тициане и других.

Трудно было узнать в этом хорошо одетом, веселом, жизнерадостном молодом человеке прежнего Тараса.

Он любил общество, любил своих друзей. В Петербург вернулся после путешествия по Украине молодой художник Штернберг, и с ним особенно подружился Тарас. В первый же вечер их знакомства Тарас нарисовал его. Штернберг отблагодарил тем же. Они мечтали после окончания академии поехать на Украину и воплотить ее в картинах, всю ее жизнь, ее пейзажи, ее быт, ее историческое прошлое. Они мечтали о гравюрах, которые знакомили бы народные массы с высоким искусством живописи. Это были счастливые, светлые годы в жизни Тараса.

Но часто, когда он стоял перед величественными картинами Брюллова, перед последней его работой, «Осада Пскова», какое-то непонятное волнение охватывало его. В голове Тараса возникали далекие образы слепых kobзарей, гайдамаков, высокие курганы, образы бедных крестьян, обиды и горести народа. Оторвавшись от картин, Тарас писал:

Високі ті могили, —
Чорніють, як гори,
Та про волю нишком в полі
З вітрами говорять¹.

---

¹ Высокие курганы, — чернеют, как горы, и про волю шепотом в поле с ветрами разговаривают.

Он вспоминал своих бедных сестер, томящихся в крепостничестве, и грустные песни рождались у него:

Нащо мені чорні брови,
Нащо карі очі,
Нащо літа молодії,
Веселі, дівочі?..¹

— Брось, Тарас, чепухой заниматься, — говорил ему Сошенко. — Ты художник, ты должен думать только о своей живописи.

Нет, он не мог бросить. Все чаще и чаще брался он за перо. Ему хотелось рассказать о бедной, обманутой Катерине², которая утопилась, и о том, что ему рассказывал дед. Ему хотелось писать про свою родную далекую Украину.

Казалось, что свобода, которую он наконец получил, принесла ему большое вдохновение и силу слова. То, что едва пробуждалось в Летнем саду белыми петербургскими ночами, когда он писал свои первые стихи, теперь прорвалось, как стремительный весенний поток. Он словно бросал вызов своими стихами.

Затоплю недолю
Дрібними сльозами,
Затопчу неволю
Босими ногами!
Тоді я веселий,
Тоді я багатий,
Як буде серденько
По волі гуляти!³

Как-то раз Шевченко вернулся домой взволнованный и радостный — он был у Евгения Павловича Гребенки.

— Уговаривает Гребенка книжку выпустить, — сказал он Штернбергу, — стихи, которые я написал. Читал, хвалит, да и другие земляки тоже хвалят.

Мало сказать «хвалили», они чуть ли не плакали, читая

---

¹ На что мне черные брови, на что карие очи, на что годы молодые, веселые, девичьи?..

² Катерина — героиня поэмы Шевченко «Катерина».

³ Затоплю недолю частыми слезами, затопчу неволю босыми ногами! Тогда я буду веселым, тогда я буду богатым, когда мое сердце будет на воле гулять!

пламенные строки. Они не говорили, как Сошенко: «Не забывай, что ты художник». Для них было ясно, что Тарас прежде всего поэт, и поэт, какого еще не было на Украине.

Вместе с Гребенкой Тарас отобрал стихи для своей первой книги. Почти все свои произведения он посвятил друзьям: «Катерину» — Жуковскому, в память о дне своего освобождения, о «Перебенде», старом кобзаре, — Гребенке, «Ивана Подкову» — Штернбергу.

— Как ты назовешь книгу? — спросил Штернберг.

Тарас задумался. Перед глазами всплыла картина: монастырская ограда, могилы, на могиле старый слепой кобзарь поет песни, люди слушают внимательно, и, затаив дыхание, слушает маленький белокурый мальчик...

— «Кобзарь»... Да, пусть называется «Кобзарь». Хорошо, друг? А ты нарисуешь его?

Штернберг любил Украину, чувствовал, как настоящий художник, ее природу. Он мог нарисовать одно только склонившееся дерево, одну лишь старую мельницу или пару волов, так нарисовать, что за этим чувствовались бескрайные степи и вся поэзия страны. Недаром, увидев его эскизы, сделанные во время поездки по Украине, Великий Карл расцеловал его и сам стал мечтать о том, чтобы поехать на Украину и пожить где-нибудь на берегу Днепра. И Штернберг сделал рисунок для первой книги стихов своего друга Тараса. Сидит старый слепой кобзарь на завалинке, кобза около него, и смотрит внимательными глазами маленький мальчик в бриле.

— Спасибо тебе, дружище! — сказал Тарас и крепко обнял приятеля.

Долго молча смотрел он на рисунок. Он напоминал ему его детство, столетнего деда Ивана и его самого, ко всему любопытного, живого мальчишку.

В 1840 году в типографии С. Фишера в Санкт-Петербурге вышел первый «Кобзарь» Тараса Шевченко.

Метет, гуляет метелица, засыпает Черный шлях — ни проехать, ни пройти. Выбиваются лошади из сил. Ездили крестьяне в Киев, управляющий посылал их.